

5. С ТАТЬЕЙ народной артиста СССР Александра Федоровича Борисова мы начинаем сегодня разговор, посвященный всегда острой и злободневной теме — «Художник и время».

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

МЕЧТАЮ О ТАКОМ ГЕРОЕ...

А. БОРИСОВ,
народный артист СССР

человека неизбежно заставляет актера заново пересмотреть свое идейно-творческое вооружение, мобилизовать все свои внутренние силы, жизненную наблюдательность, способность к глубокому, правдивым обобщениям.

Время, в которое мы живем, действительно требует самого активного вмешательства художника в жизнь, тесного приобщения его к острейшим вопросам современности. Редакция надеется, что на страницах газеты выступят деятели всех видов искусств Ленинграда: артисты, писатели, режиссеры, публицисты, критики, художники, работники кино. Пусть будет начат большой, всесторонний разговор о современности в творчестве наших художников, о высокой гражданской ответственности их перед партией, народом, перед величием наших дней.

хоз. Перед спектаклем мы провели собрание. Неприглядная картина ведомственных распри и ведомственного равнодушия, жертвой которых стал совхоз, выявилась со всей очевидностью. Мы уехали из Колы с сознанием исполненного долга — многие важные вопросы были разрешены тут же, на месте, — и с отъездом, в котором

душу нашего сегодняшнего человека. Разве я забуду когда-нибудь ту колоссальную творческую радость и волнение, которые я испытывал, когда играл роль Павла Корчагина! Сложность этой работы заключалась в том, что надо было не обмануть ожиданий зрителя, великолепно знающего Корчагина, знакомого с ним до деталей, создавшего мысленно свой образ молодого легендарного героя — комсомольца пламенных лет гражданской войны. И в то же время надо было найти какие-то новые черты, внести свое личное видение, не канонизировать этот характер. Разумеется, не мне судить, как удалось это сделать. Да и не в этом суть. Мне хочется подчеркнуть, что для образа современника эпохи гражданской войны понадобилось искать иные выразительные средства, чем, скажем, для секретаря сельского райкома партии Чеканова в спектакле «Высокая волна» по роману Г. Николаевой «Жатва». Если в Павле Корчагине — молодом трибуне, вожак молодежи — важно было прежде всего подчеркнуть героическое начало, я бы сказал, публицистический пафос, то в Чеканове — руководителе сельских коммунистов в недавние послевоенные годы — на первый план выступают другие черты.

Верное изображение всех этих людей помогает в то же время и раскрытию характера самого Чеканова. Он дается как бы их глазами, через их восприятие. Надо было найти эту слитность партийного руководителя с людьми, неотделимость от них и одновременно обязательно выделить его индивидуальные человеческие черты — очень простого, застенчивого парня, его приветливую натуру.

Надо сказать, что мне вообще повезло: не раз доводилось мне воплощать на сцене характер передового человека нашего времени, человека, глубоко чувствующего свой долг перед народом, коммуниста. Работа над этими характерами оставляет неизгладимый след в сознании. Такие образы помогают всем художникам театра стремиться раскрыть самые индивидуальные, самые неповторимые и в то же время типические качества человека, которые становятся общественным достоянием, общественной силой.

Большое значение в моей артистической и, я бы сказал, человеческой биографии имела работа над образом парторга ЦК на строительстве гидроэлектростанции Федора Большакова в пьесе «Сын века». Я не буду сейчас говорить о художественных достоинствах пьесы, она страдает многими слабостями, но в образе Большакова я видел очень многие достоверные черты нашего современника, коммуниста наших дней. Это человек, которому чуждо само понятие равнодушия, который не может жить, не думая и не заботясь об окружающих его людях. Шаг за шагом завоевывает он доверие, находит пути к сердцам людей, живу-

щих в трудных, подчас суровых условиях новостройки. Конфликт Большакова с начальником строительства Прокофьевым — это типичный для своего времени конфликт человека нового склада, живущего по гуманистическим законам нашего общества, с руководителем, далеким от народа, не понимающим и не видящим его чаяний, запросов и нужд.

Пробуя свои силы в ролях советских положительных героев, мы, актеры, очень остро ощущаем свою ответственность перед зрителями, ждущими от нас изображения жизненной правды, воплощенной в образах искусства. Когда я работал над ролью Михаила Ивановича Калинина в пьесе А. Довженко «Жизнь в цвету», эта ответственность возростала вдвойне. Ведь речь шла о руководителе, очень популярном среди народа, любимом им. Я должен был воссоздать образ в его исторических масштабах, показать жизненный подвиг своего героя, свершаемый им во славу Родины, его деяния, его труд, — одним словом, все, что делает его близким, дорогим, бессмертным. В образе Михаила Ивановича мне важно было воспроизвести и его характерную манеру держаться, и его удивительное умение сразу устанавливать контакт с собеседником то ли ласковым прикосновением к руке, то ли приветливым наклоном головы. Но я понимал, что подробности эти окажутся уместными и нужными лишь в том случае, когда зрители до конца поверят, что перед ними большой человек, мысль и дело которого неразрывно связаны с судьбой страны и народа. Вот почему воплощение образа реально существовавшего

было написано, что бригада своевременно помогла совхозу. Мы были очень польщены и считали, что такой отзыв способен перевесить десяток театральных рецензий.

Почему мне вспомнился этот случай сегодня? Да потому, что в наше время активная жизненная позиция художника, его вмешательство в действительность, необходимость учиться у жизни стали самым главным, самым необходимым условием творчества, нормой, законом этого творчества. Только тот образ искусства, тот герой книги или пьесы воздействует на зрителя, читателя, который пришел из подлинной, настоящей жизни.

Наше время — время смелой мечты. Мечты активной, действенной, претворяемой в жизнь! Я — актер, и вполне понятно, что я поглощен, как и каждый художник театра, одной мечтой, одним желанием, одним неистребимым стремлением: раскрыть перед советским зрителем, зрителем требовательным, жаждущим узнать новое, глубже воспринять все величие наших дней, — мысль, сердце и

образ Калинина, несмотря на то что он не занимает большого места в пьесе Довженко, написан им так лантливо, увлекательно. Это подлинно современный образ, в котором простота и человечность не снижают его, не низводят до бытового приземленного плана, а его масштабность, значительность не переходят во внешнюю декларативность.

Сочетание монументальности и человечности, мне кажется, — характерная черта искусства наших дней. Посмотрите на скульптуру, на живопись. Здесь явно наблюдается тенденция к монументализации, и в то же время герой становится проще, жизненнее, ближе к людям. Героические величественные черты разрабатываются в монументальном плане, но вместе с тем они остаются человеческими чертами.

Мы, художники театра, мечтаем о подобном герое, таком современнике на сцене. Ждем от наших драматургов характеры крупные и человеческие, цельные и житейские, многообразные, типические и глубоко индивидуальные. И чтобы эти герои шли в ногу с величием дел наших современников, жили бы заботами и чаяниями наших сегодняшних дней, заставляли задумываться о будущем.

Это должны быть такие герои, играя которых, каждый актер имел бы возможность сказать свое идущее из глубины сердца слово о современниках, показать зрелость творческой мысли, силу своих чувств, готовность к решению задач по большому счету искусства. Такие герои, за изображение которых на сцене актер отвечал бы всеми своими убеждениями, всей своей совестью художника, гражданина, сына своего века.

Ленинградская правда

2 ИЮН 1962